

*С днем рождения! Посылаю тебе подарок,
надеюсь, понравится...*

*Сегодня я особенно много думаю о тебе...
Понимаешь, я решила, что хотя и влюблена
в тебя, но все-таки не люблю. Мне кажется,
ты не тот единственный, кто предназначен
мне Богом. Как бы то ни было, надеюсь,
что подарок тебе понравится и ты прекрасно
отметишь свой праздник.*

*Женщина — мужчине,
в письме*

Пролог

Позже. Цел.

Пробираясь сквозь толпу, Элли Хоурт разглядела наконец в дальнем углу бара своих друзей. Подойдя к столику, она кидает на пол рядом со стулом сумку и достает телефон. А они уже хороши, думает девушка, взглянув на стоящие на столе пустые бутылки. Хотя обычно это и без того заметно: люди начинают говорить странными голосами, экстравагантно размахивать руками, громко смеяться.

— Ты опоздала. — Ники демонстративно глядит на часы и грозит ей пальцем. — Только не надо всех этих: «Ах, я не успевала дописать статью».

— Интервью с крайне разговорчивой и обиженной женой члена парламента. Ну простите меня, это для завтрашнего выпуска, — пытается оправдаться Элли, садясь на свободное место и наливая остатки вина себе в бокал. — Смотрите, ребята, — говорит она, кладя телефон в центр стола. — Предлагаю для обсуждения очередное слово, которое меня бесит: «позже».

— Позже?

— Ага, как способ дать понять, что разговор окончен. «Позже» — это когда? Завтра? Или сегодня, но позже? Или это просто такие подростковые отмазки, которые вообще ничего не значат?

— Ну, там написано «позже» и еще «Цел.», — взглянув на светящийся экран, перебивает ее Ники. — Что-то вроде «спокойной ночи». Мне кажется, он имеет в виду «завтра».

— Конечно «завтра», — поддерживает подругу Коринн. — «Позже» всегда означает «завтра»... или даже «послезавтра», — подумав, добавляет она.

— Бытовуха какая-то.

— Бытовуха?

— Ну, знаешь, я бы так могла нашему почтальону сказать.

— А «целую» ты бы ему тоже сказала?

— А почему нет? — хитро улыбается Ники. — У нас такой интересный почтальон...

— Мне кажется, это несправедливо, — глядя на экран телефона, вдруг заявляет Коринн. — Может, он вообще имел в виду, что сейчас занят и ему срочно надо по делам.

— Ага, к жене, например, — вмешивается в разговор Дуглас, и Элли предупредительно смотрит на него. — А что такого? Тебе не кажется, что ты уже вышла из того возраста, когда отношения строятся на разгадывании скрытого смысла таинственных сообщений?

— Ладно... — Элли залпом выпивает вино и наклоняется над столом. — Если ты собрался читать мне лекцию, то мне срочно нужен еще один бокал.

— Отлично. То есть для того, чтобы заниматься сексом прямо в офисе, у вас отношения достаточно близкие, а вот спросить за чашечкой кофе, что он имел в виду, — это уже чересчур?

— А о чем он еще написал? Только не говори мне, что про секс у него в офисе.

— «Из дома неудобно. На следующей неделе в Дублине, пока точно не знаю. Позже. Цел.», — читает вслух Элли.

— Оставляет себе пути к отступлению, — комментирует Дуглас.

— Ну... а может, он просто пока точно не знает.

— Тогда написал бы: «Позвоню из Дублина». А еще лучше: «Купил тебе билет в Дублин».

— Жена с ним едет?

— Нет, ты что, он никогда не берет ее с собой в командировки.

— Может, кого-нибудь еще берет, — ворчит Дуглас, попивая пиво.

— Господи, насколько все было проще, когда мужчинам приходилось звонить и разговаривать с женщинами, — задумчиво качает головой Ники. — Тогда можно было хоть по голосу определить степень их нежелания.

— Да уж, — фыркает Коринн, — сидели у этого несчастного телефона часами и ждали звонка.

— О-о-о, сколько бессонных ночей...

— И постоянно снимаешь трубку, чтобы проверить, есть ли гудок...

— Но тут же бросаешь ее — а вдруг он звонит тебе именно сейчас, в эту самую минуту.

Девочки смеются. Элли понимает, что они совершенно правы, но все же с надеждой поглядывает на телефон — вдруг на мигающем экране высветится входящий звонок? Но она прекрасно знает: он не позвонит, ведь мало того что уже поздно, так еще и «из дома неудобно».

Дуглас предлагает проводить ее домой. Из их дружной компании только он нашел себе постоянную спутницу жизни. Лена — большая шишка в пиар-технологиях,

поэтому часто задерживается на работе часов до десяти-одиннадцати. Она совершенно не против, что время от времени Дуглас ходит в бар со старыми подругами. Пару раз он брал Лену с собой, но ей просто не понять добрую половину всех шуток, намеков и рассказов об общих знакомых, — конечно, ведь они дружат уже лет пятнадцать. Поэтому она не возражает, что Дуглас встречается с ними без нее.

— Ну что, как жизнь, серьезный ты наш? — пихает его в бок Элли, показывая, что надо обойти тележку из супермаркета, которую кто-то оставил прямо на тротуаре. — Про себя, как всегда, ничего не рассказал, или я прослушала?

— Да ничего нового, — отвечает Дуглас. — Хотя нет, — немного помедлив, признается он, засовывая руки в карманы, — вообще-то, есть новости. Э-э-э... Лена хочет ребенка.

— Да ладно! — удивленно выпаливает Элли.

— И я тоже хочу, — поспешно добавляет он. — Мы уже давно про это думаем, но сейчас решили, что бесполезно ждать подходящего момента, потому что он вряд ли когда-нибудь настанет, — зачем тянуть?

— Дуглас, ты неисправимый романтик.

— Я... ну, не знаю... вообще-то, я очень рад, правда. Лене не придется уходить с работы — с ребенком буду сидеть я. Ну, если, конечно, все получится, сама понимаешь...

— Ты правда этого хочешь? — спрашивает Элли, стараясь сохранять спокойствие.

— Да. Работа мне все равно удовольствия не доставляет, и если честно — уже давно, а Лена зарабатывает кучу денег. Думаю, мне понравится сидеть целыми днями дома с малышом.

— Вообще-то, быть родителем — это не просто «сидеть дома с малышом»...

— Знаю-знаю, под ноги смотри, — перебивает Дуглас, аккуратно беря ее под локоть и помогая обойти лужу. — Но я к этому готов: надоело каждый вечер по барам шляться, хочу перейти на следующий уровень. Ты не подумай, это я не к тому, что мне перестали нравиться наши посиделки, просто иногда я думаю, не пора ли нам немного... ну, повзрослеть, что ли...

— О нет! — верещит Элли, вцепившись в его рукав. — Ты перешел на темную сторону Силы...

— Но я же не отношусь к работе так, как ты. Ведь для тебя работа — это все, правда?

— Почти все, — соглашается она.

Пару кварталов они проходят молча, издалека доносятся вой сирен, хлопанье дверей машин и прочие приглушенные звуки большого города. Больше всего на свете Элли нравится именно эта часть вечера, когда она среди друзей и хотя бы ненадолго может забыть о той неопределенности, которая пронизывает остальную часть ее жизни. Она провела чудесный вечер в баре и идет домой в свою уютную квартиру. Она здорова. У нее есть кредитная карта с большим неиспользованным лимитом, есть планы на выходные, а еще у нее, в отличие от всей остальной компании, пока что нет ни единой седой волосинки — жизнь удалась.

— Ты когда-нибудь думаешь о ней? — спрашивает Дуглас.

— О ком?

— О жене Джона. Как, по-твоему, она все знает?

Все грезы Элли о счастье разбиваются, как только Дуглас заводит этот разговор.

— Понятия не имею... — коротко отвечает она. — Я бы наверняка догадалась, будь я на ее месте, — добавляет она, так как Дуглас молчит. — Он говорит, что дети для нее куда важнее. Иногда я говорю себе, что, возмож-

но, она в каком-то смысле рада, что ей не нужно беспокоиться о нем. Ну, понимаешь, ей не нужно делать его счастливым.

— Мастерский самообман.

— Может быть... Но если честно, то ответ отрицательный: я о ней совершенно не думаю и не чувствую себя виноватой. Мне кажется, если бы у них было все хорошо, если бы у них была настоящая связь, Джон никогда не стал бы встречаться со мной.

— Женщины имеют крайне странное представление о мужчинах.

— Думаешь, он счастлив с ней? — спрашивает Элли, напряженно вглядываясь в лицо Дугласа.

— Откуда мне знать? Просто я считаю, что если он спит с тобой, то это совершенно не означает, что он несчастлив со своей женой.

Настроение меняется, и, словно обозначая эту перемену, Элли отпускает его руку и поправляет шарф.

— То есть ты хочешь сказать, что я поступаю плохо? Или что он поступает плохо?

Ну вот, наконец-то нашелся тот, кто сказал ей об этом. И не кто-нибудь, а Дуглас. Человек, который вообще не склонен осуждать других. Это причиняет боль.

— Я не думаю, будто кто-то из вас поступает плохо. Я просто вспоминаю о Лене, о том, как много будет для нее значить наш ребенок и что я мог бы пойти налево просто потому, что внимание, которое раньше доставалось мне, теперь будет принадлежать нашему ребенку...

— Значит, ты все-таки думаешь, что Джон поступает плохо.

— Да нет... — Дуглас качает головой, останавливается, вглядываясь в ночное небо и пытаясь точнее сформулировать ответ. — Мне кажется, Элли, что тебе следу-

ет быть осторожной. Ты все время пытаешься угадать, что́ он имеет в виду, чего он на самом деле хочет... Зря тратишь время. По мне, все гораздо проще: ты кому-то нравишься, он тебе тоже, вы начинаете встречаться, вот и все.

— Дуглас, ты живешь в прекрасном несуществующем мире. Жаль, что в реальной жизни все по-другому.

— Ладно, давай сменим тему, не стоит об этом говорить после всего, что мы сегодня выпили.

— Нет, постой! — резко обрывает друга Элли. — Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке. Все в порядке, по крайней мере, теперь я знаю, что́ ты об этом думаешь. Дальше можешь не провожать, дойду сама. Привет Лене.

Последние два квартала до дома Элли практически бежит, не оборачиваясь и не глядя на старого друга.

Газета «Нэйшн» переезжает: коробки одна за другой отправляются в новое здание со стеклянными стенами на пестрой, оживленной набережной в восточной части города. На протяжении последних недель офис как будто медленно растворяется: высоченные горы пресс-релизов, документов и архивных вырезок исчезают, оставляя после себя пустые столы и неожиданно огромные, блестящие ламинированные поверхности, залитые беспощадным светом ламп дневного света. Происходящее напоминает археологические раскопки: всплывают давно позабытые статьи, флаги с юбилеев членов королевской семьи, армейские каски с вмятинами, полученными в давно закончившихся войнах, вставленные в рамку грамоты о победах в давно забытых конкурсах. Повсюду валяются мотки проводов и снятая с пола плитка, в потолке зияют огромные дыры, напоминающие о визитах напыщенных инспекторов санэпидстанции, пожарного надзора и прочих

ведомств с неизменными папками в руках. Отдел рекламы, рубрика «Совершенно секретно» и новости спорта уже переехали на Компасс-Ки. Субботнее приложение, отдел бизнеса и отдел личных финансов готовятся к переезду в ближайшие недели. Очеркисты, в том числе и Элли, вскоре последуют по их стопам, вместе с отделом новостей. Переезд планируется осуществить очень быстро: если субботний выпуск будет подготовлен еще в старом офисе на Тёрнер-стрит, то понедельничный, словно по мановению волшебной палочки, будет делаться уже по новому адресу.

Здание, в котором редакция размещается почти сто лет, больше не соответствует требованиям газеты — неприятная, сухая фраза от руководства. Совет директоров «Нэйшн» решил, что старое здание не отражает динамичную линию современной новостной политики — слишком много потайных уголков, с раздражением отметило начальство, управленцы начинают цепляться за насиженные места.

— Надо будет отметить! — провозглашает редактор Мелисса, стоя посередине уже практически пустого кабинета.

На ней темно-красное шелковое платье, которое на Элли смотрелось бы как бабушкина ночная рубашка, а на Мелиссе — как артефакт экстравагантной высокой моды.

— Переезд? — уточняет Элли, кидая взгляд на лежащий на столе мобильник, переведенный в беззвучный режим. Потом поглядывает на коллег, которые сидят молча, уткнувшись в свои блокноты.

— Да. Я вчера поговорила с одним из сотрудников библиотеки. Он сказал, что в архиве полно старых документов, которые никто не трогал уже много лет. Я хочу, чтобы в разделе для женщин появилась какая-нибудь история, скажем, пятидесятилетней давности: как изме-

нились положение женщины, мода, женские профессии. Например, две реальные истории рядом — как жилось женщинам тогда и теперь. — Мелисса открывает папку, достает из нее несколько ксерокопий формата А3 и говорит спокойным тоном человека, который привык к тому, что его всегда внимательно слушают: — Вот, к примеру, из нашего раздела «Советы психолога»: *«Что мне делать? Моя жена не хочет красиво одеваться и следить за собой. Я зарабатываю тысячу пятьсот фунтов в год, и моя карьера в сфере продаж еще только начинается. Часто клиенты приглашают меня куда-нибудь вместе с супругой, но в последнее время я вынужден отказываться, потому что жена выглядит просто ужасно»*. — В кабинете раздаются сдавленные смешки, но Мелисса невозмутимо продолжает: — *«Я пытался сказать ей об этом как-нибудь помягче, но она говорит, что ее совершенно не интересуют ни украшения, ни косметика. Если честно, она ни капли не похожа на жену успешного человека, а мне бы хотелось, чтобы она выглядела именно так»*.

Как-то в разговоре с Элли Джон мимоходом упомянул, что после рождения детей его жена перестала заботиться о своей внешности, но тут же сменил тему и больше никогда не заговаривал об этом, как будто ему это казалось куда более страшным предательством, чем сам тот факт, что он спит с другой женщиной. Элли, с одной стороны, возмутил его столь джентльменский жест по отношению к супруге, а с другой — она стала еще больше восхищаться им.

Однако зерна упали на благодатную почву, и Элли представила себе жену Джона во всех красках: неряшливый халат, весь в пятнах, ребенок под мышкой и постоянные упреки во всех возможных недостатках. Элли едва удержалась, чтобы не сказать ему: «А вот я никогда такой не стану».

— Можно взять интервью у какой-нибудь современной женщины-психолога, которая отвечает на подобные письма в наши дни, — предложил редактор субботнего выпуска Руперт, склонившись над ксерокопиями.

— Думаю, это необязательно. Вы ответ послушайте: *«Возможно, вашей жене никогда не приходило в голову, что она является манекеном на витрине вашей карьеры. Возможно, она просто говорит себе, что она уже замужем, жизнь ее устроена, она счастлива, так к чему все это? Если она, конечно, вообще об этом задумывается».*

— О, этот вечный покой супружеского ложа! — восклицает Руперт.

— *«Я не раз наблюдала, как влюбленные девушки на удивление быстро превращаются в женщин, которые бесцельно проводят свое время в уютном семейном гнездышке. Сначала они пышут энергией, героически сражаются с каждым лишним фунтом, ночами не спят, думая, где купить чулки со стрелкой, и выливают на себя пинты духов. А потом появляется мужчина, говорит: „Я люблю тебя“, и шикарная барышня непостижимым образом тут же превращается в посудомойку — счастливую посудомойку».*

Кабинет на секунду наполняется вежливым, одобрительным смехом.

— А вы, девочки, что выбираете? Героически сражаться с лишними фунтами или стать счастливой посудомойкой?

— По-моему, я недавно видел фильм с таким названием, — невпопад говорит Руперт и тут же смущенно утыкается в свой блокнот, так как после его реплики в кабинете воцаряется мертвая тишина.

— Тут есть над чем поработать! — провозглашает Меллисса, стуча пальцем по папке. — Элли, покопайся в архиве после обеда, может, еще что-нибудь найдешь. Нас

интересует, как жили женщины лет сорок-пятьдесят назад. Пожалуй, сто — это многовато, слишком непонятно. Главный редактор хочет, чтобы мы осветили наш переезд так, чтобы он увлек читателей.

— Мне придется работать в архиве?

— Какие-то проблемы?

Да нет, никаких проблем. Конечно, при условии, что вы любите проводить время в темных подвалах, разбирая залежи номеров центристской газеты, которая выпускалась ненормальными мужчинами сталинистского толка, и копаться в материалах, которые никого не интересуют уже лет тридцать.

— Что вы, никаких проблем, — широко улыбается Элли. — Наверняка что-нибудь раскопаю.

— Если хочешь, возьми себе в помощь кого-нибудь из сторонников лейбористов. Говорят, в отделе новостей моды есть пара человек...

Элли даже не замечает, с каким злорадством редактор произносит последнюю фразу. Недавно Мелисса окончательно разделалась с очередными выскочками, метящими в новые Анны Винтур¹. Не замечает, потому что думает только об одном: в подвале мобильный не ловит. Черт!

— Кстати, Элли, а где тебя носило сегодня утром?

— Когда?

— Сегодня утром. Я хотела, чтобы ты переписала ту статью о детях и тяжелых потерях, но никто не знал, где тебя найти. Как это понимать?

— Я брала интервью.

— И у кого же? — спрашивает Мелисса с улыбкой, но Элли, прирожденный эксперт по языку жестов, тут же понимает, что это не улыбка, а скорее хищный оскал.

1 *Анна Винтур* — главный редактор американского издания журнала «Вог». — *Здесь и далее прим. перев.*

— У одного адвоката. Инсайдерская информация¹ насчет проявлений сексизма в парламенте, — быстро отвечает Элли и тут же жалеет, что вообще открыла рот.

— Сексизм в деловых кругах. Да, тоже мне новость... Будь добра впредь приходить в офис вовремя. Сомнительными интервью можешь заниматься в свое личное время. Ясно?

— Ясно.

— Вот и отлично. Мне нужна статья на весь разворот для первого выпуска с набережной Компасс-Ки. Что-нибудь в духе «plus ça change»², — продолжает Мелисса, быстро записывая что-то в блокноте с кожаной обложкой. — Профессии, объявления, письма читателей... Приноси сегодня в конце дня, что найдешь, тогда и решим.

— Конечно, — спешит заверить ее Элли, направляясь вместе с остальными к выходу.

У Элли самая сияющая и профессиональная улыбка во всей редакции.

Сегодня провела день в современном варианте чистилища, пишет она, прерываясь, чтобы глотнуть вина. Архив газеты. Радуйся, что можешь придумывать истории сам.

Джон написал ей в чате на хотмейле, где он зарегистрирован под ником Щелкопер, — только им двоим понятно, что тут смешного. Элли забирается в кресло с ногами и ждет, пока компьютер издаст характерный звук, что ей пришел ответ.

На экране загорается надпись:

Эх ты, невежда. Обожаю архивы. Напомни мне, когда мы снова решим поразвлечься, чтобы в следующий раз я отвел тебя в Национальную библиотеку публицистики.

1 *Инсайдерская информация* — публично не раскрытая служебная информация компании. — *Прим. ред.*

2 Многого изменилось (*фр.*).

Элли с улыбкой пишет:

А ты знаешь, как сделать девушке приятно.

Стараюсь изо всех сил.

Единственный человекообразный библиотекарь нашего архива дал мне целую кипу бумаг. Не самое интересное чтение перед сном.

Она отправляет сообщение и тут же думает, не слишком ли жалостливо оно звучит, добавляет смайлик и тут же жалеет об этом, вспоминая, что недавно он написал эссе для «Литературного обозрения» о том, что смайлики — яркое доказательство того, сколь бедна современная коммуникация.

Это был иронический смайлик, добавляет она и, взволнованно прижимая руку ко рту, ожидает ответа.

Погоди. Мне звонят.

Экран гаснет.

Мне звонят... Жена? Джон сейчас в своем номере в Дублине. Говорит, отличный вид на море.

Тебе бы понравилось.

Ну что ему на это ответить? Возьми меня с собой в следующий раз? Слишком настойчиво. Наверняка бы понравилось? Как-то язвительно звучит.

Да, пишет она после долгих мучений и громко вздыхает — все равно ведь он не слышит...

Сама виновата, наперебой говорят ей друзья. И, что самое удивительное, на этот раз Элли с ними совершенно согласна.

Они познакомились на книжном фестивале в Саффолке. Элли послали туда взять интервью у модного писателя, который заработал целое состояние на триллерах, оста-

вив наконец попытки опубликовать что-то более серьезное в литературном отношении. Автора зовут Джон Армор, главный герой его книг Дэн Хобсон — это сплав старомодных представлений о мужественности и напоминает мультяшного героя. Она договорилась пообедать с ним и, направляясь на интервью, ожидала, что тот начнет неуклюже защищать подобную литературу, возможно, отпустит пару-другую страдальческих вздохов на предмет издательского бизнеса — в общем, будет вести себя как все остальные писатели-зануды. Элли приготовилась выдержать целый час в обществе очередного толстяка средних лет, отъевшего брюхо, сидя за письменным столом, но за столиком ее ждал подтянутый мужчина высокого роста, чье загорелое, веснушчатое лицо напомнило ей о повидавших жизнь фермерах Южной Африки. Он оказался забавным и обаятельным парнем, внимательным слушателем и к тому же обладал изрядной долей самокритичности. Казалось, это он берет у нее интервью: спросил Элли о том, как она живет, и лишь после этого поведал ей свою теорию происхождения языка и рассказал, что, по его мнению, общение между людьми постепенно вырождается, превращаясь в жалкое подобие истинной коммуникации.

Когда им принесли кофе, Элли вдруг с ужасом обнаружила, что не делает записей уже минут сорок. Они вышли из ресторана и направились обратно, к месту проведения литературного фестиваля. Близился Новый год, зимнее солнце тускло освещало крыши малоэтажек главной улицы Саффолка, городской шум постепенно затихал. Элли немного перебрала, ей совершенно не хотелось уходить из ресторана, и слова сорвались с ее языка прежде, чем она успела подумать, стоит ли говорить об этом вслух.

— Ну разве вам не нравится, как они звучат?

— Кто — они?

— Языки. Испанский, например... Нет, итальянский. Вот поэтому-то я обожаю итальянскую оперу и на дух не переношу немецкую. Все эти грубые гортанные звуки, фу! — выпалила Элли и, не услышав ничего в ответ, разнервничалась. — Знаю, что это жутко немодно, но я обожаю Пуччини. Такой накал страсти! А это раскатистое «ррр», а четкое стаккато фразировки, — заикаясь, продолжала она, начиная, однако, понимать, что ее монолог звучит до смешного напыщенно и пафосно.

Джон остановился, бросил взгляд на уходящую вдаль улицу и, повернувшись к Элли, внимательно посмотрел ей в глаза.

— Я не люблю оперу! — с вызовом произнес он.

О господи, в ужасе подумала Элли, чувствуя, как под ногами закачалась земля и предательски засосало под ложечкой. Они молча целую минуту смотрели друг на друга, а потом он заговорил, впервые назвав ее по имени:

— Послушай, Элли... мне надо кое-что забрать из отеля до того, как я вернусь на фестиваль. Хочешь со мной?

Они набросились друг на друга еще раньше, чем он закрыл дверь спальни: тела сплелись, губы жадно искали поцелуя, руки в спешке срывали одежду, словно исполняя движения какого-то неистового танца.

Впоследствии, вспоминая об этом, она восхищалась тем, как вела себя — как будто у нее случилось временное помрачение рассудка. Она прокручивала эту сцену в голове сотни раз, но постепенно стала забывать об ощущении чего-то важного, о переполнявших ее в тот момент эмоциях. И в конце концов воспоминание превратилось во множество разрозненных фрагментов: ее совершенно неподходящее для такого случая повседневное

белье, в спешке брошенное на гладильную доску, их безумный хохот, когда они валялись на полу, укрывшись синтетическим пледом с монограммой отеля, его радостный и совершенно неподобающий вид, когда он перед уходом отдавал администратору ключ от номера.

Джон позвонил ей через два дня, и эйфория от произошедшего тут же сменилась легким разочарованием, когда его голос в трубке произнес:

— Ты знаешь, что я женат. Читала наверняка в статьях.

— Я прочитала о тебе все, что нашла в Google, — тихо призналась она.

— Я раньше никогда... никогда не изменял жене и пока не понимаю, как так вышло...

— Думаю, во всем виновата запеканка, — вымученно отшутилась Элли.

— Что ты со мной делаешь, Элли Хоуорт? С нашей встречи прошло сорок восемь часов, а я до сих пор не написал ни строчки... Из-за тебя я забываю, что хотел сказать, — смущенно добавил он.

Значит, я пропала, подумала Элли. Она поняла это еще в ту самую минуту, когда ощутила тяжесть его тела и тепло его губ. Несмотря на все, что она говорила своим подругам о женатых мужчинах, несмотря на все, во что она свято верила, достаточно было лишь малейшего шага навстречу с его стороны, и она пропала.

И сейчас, год спустя, она так и не нашлась — если честно, даже и не пыталась.

Он снова появляется онлайн почти через сорок пять минут. За это время Элли отошла от компьютера, налила себе еще вина, бесцельно побродила по квартире, зашла в ванную и долго разглядывала себя в зеркало, со-

брала разбросанные по квартире носки и положила их в бельевую корзину. Потом раздался характерный звук — пришло сообщение, — и она снова устроилась в кресле перед компьютером.

Прости. Не думал, что так долго. Надеюсь, завтра поболтаем.

Он попросил ее ни в коем случае не звонить ему на мобильный — распечатки от оператора обычно детализируются.

А ты сейчас в гостинице? — быстро набирает она. Может, я тебе в номер позвоню? Говорить с ним по-настоящему — это роскошь, редко когда выпадает такой шанс. Господи, ей ведь всего-то нужно услышать его голос.

Мне пора ехать на ужин, красotka. Прости — уже опаздываю. Позже. Цел.

И пропадает.

Элли сидит, уставившись в пустой экран. Сейчас Джон выйдет из номера, пройдет по холлу отеля, очарует по дороге всех администраторов, выйдет на улицу и сядет в машину, которую прислали за ним организаторы фестиваля. Вечером с ходу выдаст потрясающий тост, а потом будет развлекать тех, кому повезет сидеть с ним за одним столом, и время от времени мечтательно вглядываться куда-то в даль. Он будет жить настоящей жизнью, а она... Ее жизнь словно поставили на паузу.

Что она такое творит?

— Что я такое творю? — говорит Элли вслух, щелкая по надписи «Свернуть окно». Она падает на огромную пустую кровать и, глядя в потолок спальни, стонет от собственного бессилия. Подругам не позвонить: она уже сто раз говорила с ними об этом и всегда получала одну и ту же реакцию — оно и понятно, а как им еще реагировать? Слова, сказанные Дагом в тот вечер, силь-

но задела ее, но в подобной ситуации она и сама сказала бы то же самое.

Элли садится на диван, включает телевизор, а потом ее взгляд вдруг падает на стопку бумаги, лежащую на столе, и она вспоминает о статье. Ругая Мелиссу на чем свет стоит, Элли начинает разбираться в архивных материалах — сплошной хаос, кажется, так сказал ей библиотекарь, ни рубрик, ни дат. «Я не успеваю разобрать все бумаги. Нам приходится выкидывать много таких стопок», — сказал ей единственный библиотекарь младше пятидесяти. Интересно, почему я его раньше не видела, мимоходом спрашивает себя Элли.

— Посмотри, может, тебе что-нибудь пригодится, — сказал он, а потом наклонился и шепнул ей на ухо заговорщическим тоном: — Все ненужное можешь выкинуть, только шефу не говори. Просто у нас совершенно нет времени разбираться со всей этой грудой бумаги.

Вскоре она начинает понимать его: несколько рецензий на театральные постановки, список пассажиров круизного лайнера, несколько меню ужинов, на которых присутствовали газетные знаменитости. Она быстро просматривает их, время от времени поглядывая на телевизор. Да, вряд ли что-то из этого хлама сможет заинтересовать Мелиссу...

Элли листает потрепанную папку — кажется, какие-то медицинские записи. Везде речь идет о легочных заболеваниях, отмечает про себя она, все пациенты имеют отношение к шахтам. Она уже собирается бросить папку в корзину для бумаг, как вдруг ее внимание привлекает торчащий из середины голубой листок. Вытащив его большим и указательным пальцем, она обнаруживает, что это вовсе не листок, а вскрытый конверт с написанным от руки почтовым адресом. Внутри лежит письмо, датированное четвертым октября 1960 года.

Моя дорогая, единственная моя!

Я говорил серьезно. Я пришел к выводу, что есть лишь один выход: кто-то из нас должен решиться на отчаянный шаг. Я правда так думаю.

Я не такой сильный человек, как ты. Когда мы познакомились, я думал, что ты хрупкое создание, которое нуждается в моей защите, а теперь понимаю: все не так. Ты сильный человек, ты можешь продолжать жить, зная, что настоящая любовь возможна, но у нас никогда не будет на нее права.

Прошу, не осуждай меня за мою слабость. Для меня единственный способ пережить это – уехать туда, где мы никогда не увидимся, где меня не будут преследовать мысли, что я могу случайно встретить тебя с ним на улице. Мне надо оказаться там, где сама жизнь будет упорно заставлять меня забыть о тебе, гоня прочь мысли о тебе минуту за минутой, час за часом. Здесь этого не произойдет.

Я решил согласиться на эту работу. В пятницу в 7.15 вечера я буду стоять на четвертой платформе на вокзале Паддингтон, и никто в мире не сделает меня более счастливым, чем если у тебя найдется смелость уехать со мной.

Если ты не придешь, я пойму, что, несмотря на все наши чувства друг к другу, все-таки их недостаточно. Я ни в чем не упрекну тебя, дорогая. Знаю, последние недели были для тебя невыносимыми, и прекрасно понимаю, какво тебе. Я ненавижу себя за то, что стал причиной твоего несчастья.

Буду ждать тебя на платформе с 7.15. Полни, что мое сердце и мое будущее – в твоих руках.

Твой

Б.

Элли перечитывает письмо еще раз, чувствуя, как на глаза по какой-то необъяснимой причине вдруг наворачиваются слезы. Она не может отвести взгляд от крупного, размашистого почерка: искренность этих слов и через сорок лет после написания просто ошеломляет. Она вертит в руках конверт, ища хоть какую-нибудь подсказку. Адрес получателя: абонентский ящик 13, Лондон. И как же ты поступила, а/я 13, мысленно спрашивает адресатку Элли, а потом встает, аккуратно убирает письмо в конверт, подходит к компьютеру, открывает почту и нажимает «Обновить». Ничего — на экране мерцает последнее сообщение, полученное в семь сорок пять:

Мне пора ехать на ужин, красотка. Прости — уже опаздываю.
Позже. Цел.

Содержание

ПРОЛОГ	7
ЧАСТЬ 1.....	27
ЧАСТЬ 2.....	259
ЧАСТЬ 3.....	341
Благодарности	541